

ПРОЛОГ

— Лицом к стене, — привычно процедил конвоир и, уверенный в полной покорности сопровождаемого, даже не удосужился дожждаться выполнения команды, повернулся к двери.

Андрей, впрочем, и не думал о возможности хотя бы такого мелкого неподчинения. «Дубаки», так здесь называли прапорщиков ГУИНа, исполнявших в СИЗО роль конвоиров для особо опасных, — народ тупой и мстительный, не простят и тени непослушания, а тем более любой попытки подрыва собственного авторитета. Измочалят дубинками в мясо, и никто им не указ. Если что, десять человек охотно подтвердят, что ты сам бросился на конвоира, и будут стоять на своем, хоть ты их режь. Круговая порука замкнутой, недоступной чужим касты элитных конвойщиков, спаянной общим врагом — арестантами — в нерушимый монолит. Куда там сицилийцам с их «Омертой»!

— Подследственный Снегирев доставлен. Разрешите заводить? — с едва уловимой развязностью, свойственной бывалым ветеранам, распахнув дверь комнаты для допросов, доложил «дубак».

— Да, конечно, пусть зайдет, — приглушенно прозвучал незнакомый голос.

Андрей удивленно поднял привычно опущенную на грудь голову. Голос ведущего его дело следователя он не спутал бы ни с каким другим при любых обстоя-

тельстввах. Наслушался на допросах так, что до конца жизни не забудешь!

Выходит, в этот раз беседовать с ним будет кто-то другой... К чему бы это? В бедном на события и происшествия зарешеченном мире любое изменение привычного, на много дней вперед расписанного сценария жизни всегда воспринимается с особенной остротой и настороженностью, так как по большей части все перемены здесь бывают к худшему и не несут сидельцу ничего хорошего.

— Заходи! — рывкнул ему прямо в ухо «дубак», сопроводив окрик болезненным тычком в область почек.

Превозмогая внезапно охватившее его чувство страха, арестант переступил порог и пристально взгляделся в сидящего за столом человека средних лет, облаченного в мятый гражданский пиджак. Ничего пугающего на первый взгляд. Усталое, помятое, будто с перепоя, лицо. Пальцы нервно барабанят по столешнице. Глаза пустые и равнодушные, какие-то рыбы, такие же холодные, будто заполненные противной стухшей водой из затянутого зеленой ряской пруда...

— Проходите, Андрей Николаевич, проходите! Что же вы на пороге встали? Проходите, присаживайтесь. Я старший следователь окружной военной прокуратуры Шинников Валерий Николаевич. Теперь буду вести ваше дело.

В тюремной системе ни один хозяин кабинета никогда не предложит вам садиться. Говорят только: «Присаживайтесь». Профессиональная привычка, глупая, пустая, но на уровне подкорки вьезшаяся в плоть и кровь.

— Конвоир, вы свободны. Я вызову, когда закончу.

— Может, того... — неуверенно замялся прапорщик. — Может, мне здесь побыть на всякий случай?

Он у нас в особо опасных числится. Десантник бывший...

— Свободны, я сказал, прапорщик! — В голосе следователя отчетливо звякнул металл, и чутко уловивший это прапор поспешил захлопнуть дверь.

Андрей, еще раз недоверчиво взглянув исподлобья на следака, прошел к столу и осторожно присел на самый краешек намертво привинченного к полу стула. Шинников, в свою очередь, внимательно рассматривал подследственного, умело маскируя пристальный интерес псевдорадушной суетой, демонстрацией образа добрейшей души человека, этакого рубахи-парня. Конечно, он уже тщательно изучил все материалы дела, не раз видел лицо сидящего перед ним человека на приложенных к материалам фотографиях, прочитал немало справок и характеристик, описывающих его характер. Но сухие бумажки ни в коей мере не могут заменить той информации, которую опытный психолог получает при личном контакте. Малейшие нюансы поведения, манера держаться, реакция на вроде бы невзначай подброшенные зондирующие вопросы много скажут профессионалу, позволят выстроить верную стратегию и тактику того незримого, но ожесточенного поединка, в который следователь вступит с арестантом, припирая к стенке, заставляя под грузом улик признать свое поражение.

В данном конкретном случае особых сложностей не предвиделось. Затравленный взгляд подследственного, покорно опущенные, нарочито сутулые плечи, робкие осторожные движения... Все говорило о том, что этот человек уже сломлен и раздавлен безжалостной машиной ГУИНа и не может ей противостоять. Осталось лишь чуть-чуть дожать его всего на один эпизод! Маленький, незначительный эпизодик, короткие, в одну строчку, показания, которые не повлияют на участь самого Снегирева, но тяжелой гирей

лягут на весы правосудия при определении меры вины другого человека, того самого, относительно которого получены указания с самого верха. Именно для получения признания Снегирева и прибыл в СИЗО старший следователь Шинников. Именно для этого под надуманным предлогом был отстранен от ведения дела прежний, слишком принципиальный и не желающий понимать даже самых прозрачных намеков работник военной прокуратуры.

— Присаживайтесь, Андрей Николаевич, присаживайтесь... Курите? Хотите сигарету? Берите, не стесняйтесь... — изо всех сил старался продемонстрировать арестанту дружеское расположение следователь, почти насильно втискивая ему в вялые потные пальцы мятую «примину» и предупредительно щелкая зажигалкой.

«И это элита нашей армии! — презрительно думал он между тем, глядя на испуганно вздрагивающего арестанта. — Разведчик! Спецназовец! Неудивительно, что нам в Чечне накладывают и в хвост и в гриву. Если у нас такие служат в элитных частях, так кто же тогда попадает в обычные?»

— В первую очередь хочу сразу сказать вам, Андрей Николаевич, что в вашу виновность я не верю! — твердо хлопнул рукой по столешнице Шинников, дождавшись, когда подследственный, жадно втянув сигаретный дым, выпустит первое вонючее облако.

И смолк, до конца выдержав испытующий, недоверчивый взгляд арестанта и предоставляя ему инициативу дальнейшего разговора. Так опытный фехтовальщик, поразив противника молниеносным уколом, занимает выжидательную позицию в обороне, чтобы вдумчиво оценить произведенный эффект, определить, можно ли без помех развивать успех или стоит повременить, изматывая врага хитрым кружевом ложных выпадов. Вот и Шинников, оgoroшив арестанта

прямым и жестким заявлением, напряженно ждал, какова же будет реакция последнего. Тот долго молчал, и следователь уже решил, что привычный прием в этот раз не подействовал. Однако нет. Прорвало все же...

— Как не верите? — угрюмо спросил Снегирев. — Там же в деле мои показания, есть и чистосердечное...

— Читал, читал, как же, — охотно подхватил следователь. — Действительно, вы очень полно, ничего не утаивая, описали эти печальные события. Но, повторюсь, вины вашей я в происшедшем не усмотрел! Вам что инкриминировали?

— Умышленное убийство, конечно, — отводя взгляд, глухо выговорил подследственный. — Что же еще?

— Боже ты мой! — с искренним негодованием воскликнул Шинников. — Да где они только это увидели! Да в суде такое обвинение лопнет как мыльный пузырь, уж поверьте моему опыту! Причинение тяжких телесных повреждений! Вот мое слово! Причем по неосторожности! И никак иначе!

— Как? Старик ведь умер? — с робкой надеждой глядя на следователя, произнес Андрей. Ему очень хотелось верить этому человеку, до того хотелось, что все поучения бывалых сидельцев, услышанные в камере, мгновенно вылетели из головы. «Не верь ментам, не ведись на их уловки, думай только своей головой. Верь только себе! Стелют-то они мягко, вот только спать жестковато выходит! Не верь!» Но как же не верить, если вот вдруг, как по мановению волшебной палочки, замаячил выход из того тупика, в который неожиданно-негаданно загнала его жизнь?!

— Умер? — презрительно скривился следователь. — Конечно, умер! После того, как его добил Моргенштейн! Еще бы! Только ты-то здесь при чем, дурья

твоя башка? Ты ведь этого чеченца только ранил, и то случайно! Убил его не ты, а Моргенштейн!

— Не Моргенштейн, Погодин... — автоматически поправил следователя Андрей. — Моргенштейн вообще не стрелял. Погодин и Балаганов их убивали. Балаганов тогда погнался за тем, который убежал, а Погодин как раз выстрелил старику в голову. Но он и так бы, наверное, умер, я ведь ему легкое прострелил... Он уже весь синий лежал, задыхался...

— Да плевать! Ты что, пророк? Что ты заладил: «Умер бы! Умер!» Как ты можешь это точно знать? Может, и выжил бы! Но в любом случае закон есть, а он четко определяет: в данной ситуации ты всего лишь причинил потерпевшему Асалханову тяжкие телесные повреждения. Даже не повлекшие впоследствии смерть! Убил-то его Погодин. Пока он не выстрелил ему в голову, Асалханов был жив, так?

— Выходит, что так... — задумчиво произнес Андрей.

— Значит, только тяжкие телесные. А это уже совсем другая статья и совсем другие сроки. Здесь все ясно, поехали дальше. Ты же стрелял не конкретно в Асалханова, так? Ты даже не знал в тот момент, что он вообще существует на свете. Значит, деяние неумышленное, правильно? Ты стрелял по человеку, не выполнившему требования об остановке для проверки транспортного средства, с целью его задержать. По транспортному средству, понял? По колесам, по мотору! Не по находящимся внутри людям. Так?

— Я испугался тогда, — смущенно потупился Андрей. — Мы ведь арабов-наемников ждали. А они те еще вояки... Душа не на месте была. Когда командир крикнул «огонь!», я ближе всех к машине был. Ну, думаю, все, звиздец! Сам не помню, как стрелять начал, а уж чтобы целиться куда-то конкретно, такого вообще не было...

— Вот я и говорю, — гнул свое следователь. — Типичное ранение по неосторожности. Целился в машину, а попал в человека. Самый обычный несчастный случай! Умышленным убийством даже не пахнет! А учитывая положительные характеристики, активное участие в контртеррористической операции и прочую лабуду, я думаю, можно твердо рассчитывать на условный срок.

— Не может быть! — в волнении подскочил со стула Андрей, искательно заглядывая в водянистые, ничего не выражающие глаза следака. — Вы правда так думаете?! Так действительно можно сделать?! Да я вам по гроб жизни благодарен буду! Все что угодно для вас сделаю! Мама каждый день за вас бога молить будет! Только помогите! Нельзя мне в тюрьму! Мама старенькая уже, больная, ей работать нельзя, а у меня сестренка меньшая растет, невеста уже. Как они без меня? Помогите, прошу, век благодарить вас буду!

— Тихо, тихо, — замахал на него руками Шинников. — Ты еще на колени тут бухнись! Это же просто моя работа. Следить, чтобы в тюрьму садились те, кто того заслужил, а невиновные, соответственно, были оправданы. А ты — бога молить! Дурачок ты еще, молодой... Благодарить тогда станешь, когда на суде по минимуму получишь и к мамаше своей вернешься, понял?

— Понял, — быстро закивал головой, преданно глядя на следователя, Андрей.

— Ну и хорошо. Давай теперь решать, как лучше нам с тобой поступить, чтобы из этой истории с меньшими потерями выпутаться.

Весь превратившись в слух, Андрей сидел на стуле, подавшись вперед, не сводя с Шинникова заблестевших глаз. Он уже полностью доверял этому человеку, готов был выполнить все, что пожелает вернувшийся ему надежду следователь. Старый как мир, но до сих

пор сохранивший свою убийственную эффективность прием вхождения в доверие через сплетение интересов, создание у противника ложного ощущения общности целей и задач, как всегда, подействовал отменно. Шинников в душе довольно ухмыльнулся, поздравляя себя с верно выбранной тактикой, так быстро давшей нужные результаты, усилием воли удержался от желания довольно потереть руки и перешел в решительную атаку.

— Для того чтобы мы с тобой смогли справиться со сложившейся ситуацией, необходимо предъявить суду истинных виновников.

— Истинных? — удивился Андрей.

— Ну да! Настоящих! Не ты же, вчерашний студент, который практически добровольцем пошел защищать Родину, устроил эту кровавую бойню! Ее устроили другие люди, которые сейчас всячески изворачиваются и лгут, пытаясь перевалить свою вину на безответных стрелочников вроде тебя! Вот до них-то и надо добраться!

— Да, я помню, — медленно проговорил Андрей. — Прежде чем отдать приказ о расстреле, капитан несколько раз выходил на связь с оперативным. Еще требовал уточнить приказ... Да, точно! Ему же приказали расстрелять чеченцев! Надо выяснить, кто этот приказ отдал, и тогда...

— И тогда ты сядешь до конца жизни, — замогильным голосом прервал его следователь. Мысли арестанта неожиданно потекли в ненужном и небезопасном направлении. Это надлежало немедленно пресечь, иначе разом пойдут насмарку все предыдущие старания. — А жизнь эта будет очень короткой, до первой ночи в камере. Утром выяснится, что ты просто неудачно свалился с верхних нар и сломал себе шею, можешь мне поверить.

— Но...

— И никаких «но»! Если хочешь жить, забудь о том, что кто-то сверху отдавал какие-то приказы! Это не твой уровень, не твоего ума дело! К тому же ты ни в чем не можешь быть уверен. Разве ты слышал, что именно сообщили из штаба Моргенштейну? Так о чем разговор? Ты просто думаешь, что он получил такой приказ, потому что сам об этом говорил. Вот и все. Но слова и мысли к делу не пришьешь, понял? Выкинь все это из головы! Твой уровень — это Моргенштейн. Он был твоим непосредственным командиром, старшим по званию и должности. Значит, он и несет полную ответственность за произошедшее. Ясно?

— Ясно... — неуверенно протянул арестант.

— Поэтому нам надо намертво закрепить в деле это положение! За все случившееся несет ответственность капитан Моргенштейн, — тяжело и раздельно, будто вколачивая каждым словом в смерзшуюся неподатливую землю бетонную сваю, и при этом пристально глядя в глаза Андрею, произнес Шинников. — А для этого ты сейчас под протокол сообщишь мне, что приказ о расстреле задержанных чеченцев капитан Моргенштейн отдал до сеанса связи со штабом. Просто приведен в исполнение он был чуть позже из-за неготовности в тот момент исполнителей. Все! Сообщишь это мне сейчас под протокол, потом подтвердишь в суде и можешь твердо рассчитывать на условный срок.

— Но ведь это неправда, — растерянно произнес Андрей. — Я, конечно, не слышал, что там говорили капитану по рации, но слышал, что он отвечал. Он несколько раз переспрашивал, удивлялся... Мы все удивились, чечены явно боевиками не были... Капитан потом сказал, что, наверное, это их связники или разведка под мирных маскируются. А расстрелять приказали, чтобы боевики не смогли пленных отбить. Мы еще всю ночь думали: вот сейчас нас вахи долбить нач-

нут. И не уйдешь — приказа нет. Лейтеха, ну Балага-нов, говорил, что нас как живцов используют. Я ведь рассказывал уже...

— Да плевать, что ты там рассказывал! — брызгая слюной, зло выкрикнул следователь. — Ты условный срок получить хочешь или нет?! Я тебе говорю: все, что нужно, — это подтвердить в суде, что расстрелять задержанных приказал именно Моргенштейн. Ну что тебе непонятно? Или ты в тюрьму сесть захотел?! Понравилось парашу нюхать?! Всего несколько слов — и свобода! Условный срок — херня! Это же на воле, не в клетке!

— Вот, значит, как теперь тридцать сребреников выглядят... — тихо произнес Андрей.

Вспыхнувшая было надежда в его глазах стремительно уходила, уступая место прежнему угрюмому безразличию. Следователь видел это, понимал, что допустил серьезную промашку. Слишком поторопился со своим предложением, попытался уцепиться за уходящего из-под его контроля человека, встряхнуть его, вернуть в реальный мир.

— Да что же ты со своей жизнью делаешь, приду-рок! — выкрикнул он. — Ради кого ты ее ломаешь?! Ради этих убийц и ублюдков?! Да по ним давно тюрьма плачет! Тебе-то зачем ради них себя губить?! Сядешь ведь лет на десять! По полной программе тебе вкатают! Одумайся, пока не поздно!

— Поздно, наверное, уже, — равнодушно выдохнул Андрей. — Я ведь тоже теперь ублюдок и убийца...

— Ах ты! — уже в настоящей, а не притворной ярости Шинников замахнулся было на подследственного, но вовремя опустил руку. Этого побоями не прой-мешь. Надо как-то по-другому...

— Послушай, — обманчиво мягким тоном начал он. — Давай успокоимся. Все тщательно, не горячась и не бросаясь громкими словами, взвесим и обсудим.

Хорошо, я готов поверить, что ты такой вот весь из себя несгибаемый герой, готовый ради правды взойти на Голгофу. Убедил! Красавец! Но сам башкой-то своей подумай! Моргенштейн и Балаганов с Погодиным все равно сядут. Причем все трое сядут на длительные сроки. Тут даже без вопросов, ты даже не представляешь, какие силы вступили в игру. И ты сядешь вместе с ними. Я тебе предлагаю вариант спасения. Твои показания ни в коем случае никого не утопят. Они просто придадут делу ясность и завершенность. И ты при этом выходишь на свободу. Простая же арифметика: либо вы садитесь все четверо, либо садятся трое, а ты свободен. При этом тем троим ты ничуть не навредил, просто снял несколько неясных вопросов. Помог следствию...

— И тот, кто отдал этот приказ, с облегчением вздыхает и остается на свободе и в полной безопасности, — мрачно улыбнувшись, продолжил Андрей. — Все я прекрасно понимаю.

— А раз понимаешь, тогда давай с тобой по-взрослому и в открытую! — прервал его следователь. — Того, кто руководил операцией, все равно к ответственности не привлекут! Это большой человек в Москве, перспективная фигура. Его к делу ни при каких обстоятельствах не примажут, с твоей ли помощью или без нее. Понял? Однако если ты поможешь, то отвести от него подозрения будет немного проще, вот и все... За это тебе предлагают условный срок! Именно за это, а не за то, чтобы ты топил своих уродов-начальников! Ну так как?

— Я и говорю, Иудину долю предлагаете, — кивнул головой Андрей. — Только вот плохо кончил Иудато... У нас в группе говорили в таких случаях: «Не лезь в говно, потом не отмоешься». Так что показания свои я менять не буду...

— Вот как, значит! Честный и гордый? Хорошо... А как же мать-старушка? О ней ты подумал? О сестренке? Им-то каково будет?

— Они поймут, — без особой уверенности, тихо выговорил Андрей, еще ниже опуская голову. — Поймут... Им тоже лучше будет, если стыдиться меня не придется...

— Да нет, дорогой! Стыдиться уж точно не придется. Им вскоре вообще ничего делать не придется...

— Почему это? — вскинул голову Андрей, прожигая следака горящими глазами.

— Потому что ты не оставляешь мне выбора, — устало произнес Шинников. — Мне нужны твои показания. И если ты не хочешь их давать, придется пойти на крайние меры. В общем, я объявляю тебе ультиматум. Либо ты сейчас и в суде говоришь то, что мне нужно, либо...

Он глубоко вздохнул, собираясь с духом. Нелегко было говорить то, что сейчас необходимо сказать, нелегко даже ему, который думал о себе, что уж его-то выдубленную жизнью шкуру ничем не прошибешь.

— Либо что? — хриплым голосом спросил Андрей, уже смутно догадываясь, о чем сейчас пойдет речь.

— Либо я передам адрес твоих родных чеченцам, — твердо закончил следователь. — Они обязательно захотят отомстить родственникам бойца спецназа, сам понимаешь. К тому же у тебя теперь целый род личных кровников. Что они сделают с твоей матерью и с сестрой, догадаться нетрудно...

Андрей сидел, будто громом пораженный. Не в силах ни двинуться, ни говорить, ни думать. Перед глазами неотступно стояла провожающая его на вокзале со слезами на глазах мать, маленькая, как-то разом постаревшая, беззащитная, рядом с ней нетерпеливо крутилась не чувствовавшая всей трагедии момента сестренка.

— Ничего личного, парень, — говорил между тем Шинников. — Просто так сплелись интересы, пойми... Меня самого начальники на вилы взяли, теперь я тебя беру... Неприятно мне это, но выбора ни у тебя, ни у меня нет... Сутки тебе на раздумья. А завтра либо показания под протокол, либо, извини... Эй, конвой, уведите его обратно в камеру!

Андрей сам не помнил, как выходил из допросной, как шел, еле переставляя ноги, по гулкому коридору СИЗО. Более-менее приходиться в себя он стал лишь в камере, когда, забравшись на свою дальнюю верхнюю шконку, наконец смог позволить себе, зарыв голову в покрытую грязной наволочкой тошную казенную подушку, в отчаянии тихо завывать. Так воет попавший в капкан волк, жалуясь темному небу и плящущейся на него сверху желтым глазом луне на горькую свою волчью долю, на несправедливость и зло окружающего мира. Вот только волки обычно уходят из капканов. Не пытаются заслужить жизнь, не лижут сапоги пойманному их человеку. Не обращая внимания на боль, они перегрызают защемленную лапу и уходят на трех ногах, без надежды на дальнейшую жизнь. На трех лапах долго не проживешь. Но умирают волки всегда свободными. Андрей не мог перегрызть защемленную лапу, слишком цепко держал ее защелкнувшийся капкан правосудия. Но умереть он мог. Умереть стоя порой действительно лучше, чем жить на коленях, что бы по сему поводу ни говорили почитающиеся сейчас у нас за пророков приземленные и практичные американцы.

Со шконки он слез только тогда, когда в кормушку начали просовывать алюминиевые тарелки с грязной недоваренной сечкой. Присев на нижнем ярусе, Андрей с усилием пережевывал клейкую, с изредка мелькавшими волокнистыми нитями вываренной тушенки массу. Ел быстро, ни на кого не глядя. Едва теплый

чай, больше похожий на помои, тоже выпил одним глотком, не смакуя, как принято. Пару раз ловил на себе удивленные взгляды сокамерников, но никто к нему не подошел, не поинтересовался причинами явного пренебрежения неписанным ритуалом ужина. Не положено в тюрьме без спроса лезть к человеку в душу. Захочет — сам все расскажет, не захочет — нечего и пытаться, а то еще за ментовскую наседку примут. После еды, улучив подходящий момент, Андрей подсел к быстроглазому, покрытому сетью татуировок кавказцу по кличке Казбек. С Казбеком за время затянувшейся подследственной отсидки он, можно сказать, сдружился. В самый первый день, когда ошарашенный, ничего не понимающий и от этого всего боящийся новичок переступил порог камеры, опытный вор-рецидивист Казбек взял его под свое покровительство. Заметив под еще не отросшими волосами на правом виске паренька характерную татуировку с расправляющей крылья летучей мышью, он по-свойски спросил:

— В спецназе служил? Какая бригада? Бердская? Ну здорово, братишка! Я тоже в свое время два года отбухал в двадцать второй, в той, что в Аксае, под Ростовом...

С тех пор между ними установились не то чтобы дружеские, но более-менее доверительные человеческие отношения. Ни о каких национальных распрях тут не могло быть и речи. Андрей был по своей природе убежденным интернационалистом, считавшим, что людей надо делить на категории в соответствии с их душевными качествами, а не по цвету кожи или форме и разрезу глаз. Профессиональный преступник Казбек, всю сознательную жизнь проживший в большом южном городе, вдали от родоплеменного уклада замшелых горных аулов, и научившийся ценить людей за отчаянную бесшабашную лихость и фартовость, не обращая внимания на то, какому богу они молятся о

ниспослании удачи, придерживался такого же мнения. А опекать паренька, напомнившего ему о далекой веселой юности и армейской службе, он посчитал своим долгом. При этом не лез назойливо с помощью, а просто добрым отношением, почти отцовским покровительством так расположил молодого арестанта к себе, что тот сам делился с ним всем, что его мучило и тревожило. Вот и сейчас Андрей решил обратиться к Казбеку за советом.

— Скажи мне, Казбек, вот у вас на Кавказе кровная месть принята, да?

— Есть такое дело... — неторопливо и солидно, как и приличествует уважаемому и бывалому человеку, отвечал тот.

— А вот если кто-нибудь не может достать своего кровника, тогда как?

— Значит, он трус и не мужчина... — пожал плечами Казбек, удивляясь глупости своего русского товарища. К чему спрашивать об очевидных вещах?

— Нет, ты не понял... Если он в этом не виноват. Если кровник, например, умер или сел в тюрьму, куда к нему никак не пробраться?

— Ты почему спрашиваешь? — хитро улыбнулся Казбек. — Боишься, что чеченцы тебя здесь достанут?

— Да нет, за себя я не боюсь, — отмахнулся Андрей и, решив ничего не скрывать, продолжил: — Я за семью свою боюсь. Сегодня на допросе следак пообещал, что чеченцам адрес моей семьи скажет, если я на своего командира показаний не дам.

— Ва! Вот шакал! — возмутился Казбек.

— Шакал не шакал, а как сказал, так и сделает, — горько улыбнулся Андрей. — Скажи мне, ты ведь в этом понимаешь, поедут чеченцы мстить моим родным или нет? Что говорят ваши обычаи?

— По обычаям они должны тебя убить, а если не могут тебя, то любого другого мужчину твоего рода.

— У меня в роду нет мужчин. Только мать и младшая сестра.

Казбек долго молчал, понуро глядя в стену.

— Ну так что?! — нетерпеливо дернул его за рукав Андрей.

— Послушай, Андрей, — мягко начал кавказец. — Любому другому, кто спросил, я ответил бы, что ни один настоящий воин не поднимет руку на женщину. Кровная месть касается только мужчин. Слабым женщинам мстить недостойно. Но ты мне друг. Потому тебе скажу по-иному. Эта война ожесточила сердца, люди стали злыми собаками, выросла молодежь, которая ничего не видела, кроме войны. Они не знают законов, не чтут стариков, они понимают лишь силу и всегда готовы порвать чужого. Спецназ ненавидят, и если будет случай хоть так поквитаться, его обязательно используют. Мне горько это говорить, но тебе надо знать правду. Ты должен сам решить, будешь ты делать, как скажет следователь, или нет. Но если ты откажешься, твоя семья, скорее всего, погибнет.

— Спасибо, Казбек, — грустно кивнул Андрей. — Я и сам знал то, о чем ты сейчас сказал. Просто хотел еще раз услышать это от тебя. Я знаю, что я должен сделать, и попрошу тебя еще об одной услуге. У тебя ведь есть лезвие?

— Мойка? — Казбек сделал быстрое движение губами, и между ними вдруг, подобно змеиному жалу, на мгновение проглянула половинка лезвия опасной бритвы. — Конечно, есть!

Казбек неоднократно щеголял перед удивленными сокамерниками старинным воровским умением ловко прятать во рту лезвие опасной бритвы и неожиданно для врага использовать его в рукопашной схватке. Крепко зажав заточенную сталь зубами, можно было, резко мотнув головой, на ближней дистанции секануть противника по лицу. Или, особым образом плю-

нув лезвием, попасть нападающему точно в глаз. Много чего можно было придумать с этим видом тайного оружия, которым Казбек владел в совершенстве.

— Дай мне, — тихо проговорил Андрей, избегая быстрого умного взгляда миндалевидных глаз кавказца.

С минуту подумав, Казбек выплюнул скрывавшееся во рту лезвие на ладонь.

— Это твое решение, — сузив глаза, произнес он. — Мужчина должен жить только до тех пор, пока можно жить с честью. Отговаривать и мешать не буду. Мойку возьми. Но все же подумай еще раз, обратно потом этот поступок не переделаешь.

— Спасибо, Казбек, — слабо улыбнулся Андрей. — Я уже подумал...

Вскрывать он решил ночью, когда все уснут, чтобы гарантированно никто не помешал. Казбек больше не говорил с ним и даже демонстративно не смотрел в его сторону, тем самым показывая, что уважает право Андрея самому распоряжаться собственной жизнью. Да у эков в таких ситуациях мешать и не принято, как и помогать, впрочем.

Андрей долго лежал неподвижно, дожидаясь, пока в переполненной камере восстановится относительная тишина, прерываемая лишь храпом да сонным шевелением десятка людей. Голова была холодной и ясной, изредка вспоминались больные покрасневшие глаза матери и проказница сестренка. «Ничего, — стискивая зубы, шептал тогда Андрей. — Ничего. Зато вас никто не тронет. Просто не будет смысла...» Ну все, больше тянуть нечего. Холодное лезвие, зажатое в чуть подрагивающих пальцах, хищно натянуло кожу на горле. Резать вены на руках он решил не пытаться. Из рассказов сослуживцев знал, что там кровь слишком быстро сворачивается, и даже бывали случаи, когда после вскрывших лучевые вены ножевых ударов враг, ничуть не теряя силы, продолжал бой. Другое дело —

сонная артерия. Тунгус как-то под настроение показал ему место на шее, где она почти вплотную подходит к коже. Легкий порез длиной всего в пару сантиметров и в сантиметр глубиной. Мелочь, а человек через минуту отправляется на тот свет. То, что нужно! Левая рука наконец нащупала нужное место. Ну! Резкая короткая боль яркой вспышкой ударила в мозг. Обжигающе горячая, тяжело пахнущая струя плеснула первыми кровяными сгустками прямо в ладонь и дальше звонкими каплями простучала по бетонному полу, будто начинающийся дождь. Испугавшись, что сейчас проснутся сокамерники и его все-таки откачают, он натянул до подбородка одеяло, ловя этот хлещущий изнутри фонтан. Голова как-то разом стала пустой и легкой, темнота вокруг завертелась, все ускоряя движение, сжимаясь в быстро уменьшающуюся точку. В последний раз мелькнуло, кружась и удаляясь перед глазами, заплаканное лицо матери. «Все в порядке, мама, — прошептал слабеющим голосом Андрей. — Все в порядке...» Он хотел сказать еще что-то, но непослушные губы не желали шевелиться, расслабленно откинулась, свесившись со шконки, придерживавшая одеяло рука. Сознание медленно гасло, заполняясь бившим откуда-то сверху ярким светом, заслонявшим собой убогую камеру, храпящих арестантов, двухъярусные нары... Тянувшим за собой... Все выше и выше... Вверх...

В комнату для свиданий Моргенштейн зашел упругим спортивным шагом. В СИЗО, несмотря на отсутствие элементарных условий, он старался себя не запускать, в камере приседал до седьмого пота, удивляя сокамерников, отжимался по несколько сотен раз подряд, на прогулках пытался бегать вокруг тюремного двора. Надзиратели перемигивались между собой,

крутили пальцем у виска, откровенно гоготали, но препятствовать съехавшему на физкультуре спецназовцу не решались. Чем бы дитя ни тешилось... Охота мужику ерундой заниматься, пусть занимается. Лишь бы другим не мешал. Он и не мешал, к другим арестантам и надзирателям не лез, делал потихоньку упражнения. Потому форму за время ведения следствия не растерял, выглядел подтянутым и свежим. Движения были хищными, гибкими, узлами перекачивались под спортивным костюмом мощные мускулы. Софья Павловна, хоть и в первую очередь адвокат, а потом уж женщина, все же взглянула сквозь толстые стекла очков одобрительно. Оценила...

— Гутен морген, Эдуард Вольфович, — улыбнулась она, вставая из-за стола и протягивая арестанту тонкую высохшую ладонь.

— Гутен так, Софья Павловна, гутен так. «Морген» — это утро, а сейчас уже далеко за полдень, — смеясь, поправил он, осторожно пожимая ее протянутую руку. — Кстати, действительно ли «гутен»?

— Вот ведь, все не привыкну. В школе и в институте английский учила, знаете ли. А насчет «гутен» или нет... Да, есть определенно хорошие новости, — опускаясь на стул и доставая из «дипломата» какие-то бумаги, сообщила адвокат. — Наше ходатайство об изменении меры пресечения в отношении вас, Балаганова и Погодина прокуратурой удовлетворено. Решено выпустить всех троих под подписку о невыезде. Так что поздравляю, сегодня после обеда вы покинете эти гостеприимные стены.

Она с интересом смотрела на своего подзащитного. Софья Павловна имела солидный адвокатский стаж и повидала на своем веку всякого, но вот этот момент всегда доставлял ей несказанное удовольствие. Приятно было видеть, как воспринимают люди, уже смирившиеся с тем, что попали в лапы к безжалостной Сис-

теме, известие о свободе. Сумасшедшая радость молнией сверкнула в глазах арестанта, но внешне Моргенштейн оставался, как обычно, спокоен, улыбчив, предупредителен и слегка ироничен.

— Подумать только?! Что же такое произошло в большом мире! Умер кто-то из высшего командования и объявили амнистию всем военным преступникам? Или в Чечне произошел переворот и у власти вновь исламские радикалы, а нас решили призвать к крестовому походу на Грозный?

— Ни то ни другое, — сухо отрезала Софья Павловна, сняв очки и без необходимости протирая замшевым платочком стекла. — Сегодня ночью в камере покончил с собой проходивший с вами по одному делу Андрей Снегирев. Перерезал себе горло. Это и подтолкнуло прокурора к изменению меры пресечения, побоялся потерять всех подследственных, и так скандал на весь мир...

— Цапель? — отшатнулся Моргенштейн. — Как же так? Мальчишка ведь совсем... Что же он? Довели пацана, сволочи!

Он умолк, растерянно качая головой.

— Тем не менее, если бы не этот прискорбный случай, — с непроницаемым лицом продолжала адвокат, — ваше освобождение под подписку выглядело бы практически нереальным.

Около ворот СИЗО всегда людно. Сюда приходят родственники и друзья арестантов, чтобы передать им нехитрые, разрешенные ГУИНОм посылки, мнутя под воротами в надежде отыскать возможность послать сидельцам весточку с воли. Здесь же торжественно, с музыкой и песнями, встречают освобожденных. Моргенштейна встречать было некому. Кроме нанятого адвоката, никого он в Ростове не знал и, соответствен-

но, полагал, что никто не знает его. Оказалось, ошибался, причем сильно. Едва за его спиной хлопнула деревянная дверь размещавшейся при воротах будки КПП, как уши заложило истошным воплем:

— И-и-и! Вот он, душегуб! Вот он, ирод! Креста на тебе нет! Убивец! Как тебя земля-то носит?!

Моргенштейн удивленно оглянулся и уперся взглядом в пестро одетую кучку людей. Впереди всех стоял испитой, согнутый жизнью морщинистый старик в спортивных штанах и драной олимпийке, с неряшливо написанным на листе дешевого серого ватмана плакатом в руках. «Убице Моренштерну — справедливый суд!» — красовалась надпись огромными красными буквами. Арестант улыбнулся грубым ошибкам на малеванного призыва. Но новый вопль заставил его втянуть голову в плечи:

— Душегуб! Ирод! Глаза твои бесстыжие!

Кричала расхристанная дородная женщина, неряшливо одетая, с потекшей косметикой вокруг глаз. Она и старик с плакатом явно были здесь заводилами, а вокруг них группировалось еще несколько пропитых личностей бомжеватого-синюшного вида. Не зная, что предпринять, Моргенштейн растерянно огляделся по сторонам. Что-либо отвечать демонстрантам, доказывать свою правоту было занятием явно глупым и бесполезным, но и заставить их заткнуться требовалось срочно — шедшие по улице люди уже начали с интересом коситься на разыгрывающееся возле следственного изолятора шоу. Выручила его из затруднительного положения Софья Павловна, лихо подрулив на сверкающей глянцем новехонькой кремовой «десятке» прямо к воротам.

— Не стойте пугалом, садитесь в машину! — властно крикнула она, опустив оконное стекло.

Понятное дело, Моргенштейн не заставил себя долго упрасивать.

— Как вы здесь оказались? — спросил он, плюхнувшись на переднее сиденье и с видимым облегчением захлопнув дверцу, оставляя снаружи гневные выкрики демонстрантов.

— Стреляли... — улыбнулась адвокат. — На самом деле ожидала чего-то подобного, вот и решила на всякий случай подъехать. Оказалось, очень вовремя, правда?

— Да уж, — кивнул головой Моргенштейн.

Почти неслышно шурша хорошо отрегулированным мотором, «десятка» поползла к выезду на улицу.

— Коза крашенная! — неистовствовала главная демонстрантка, потрясая кулаками им вслед. — Куда его повезла?! Он же душегуб! Убивец! И тебя, дуру, ночью задушит!

— Ладно тебе, Верка, разошлась! Завали хайло, не пыли, — урезонивал ее старик с плакатом. — Все уже, отработали! Пошли вон лучше за бабками!

— И то правда, — как-то неестественно быстро успокаиваясь, произнесла, вытирая со лба выступивший от натуги пот, женщина. — Пошли.

Перейдя улицу, они остановились возле блестящей спортивной «Тойоты». Из машины неспешно выбрался невысокий смуглолицый кавказец. Остро подбритые усики-стрелочки топорщились над верхней губой.

— Все видел, все слышал! — взмахнул он рукой, останавливая жестом раскрывшую было рот женщину. — Молодцы, все как надо сделали! Вот ваша тысяча, все, как обещал!

— Добавить бы надо, Хамид, — задребезжал дискантом старик. — Нас тама народу-то сколько было... Тысячи на всех мало будет...

— Обойдетесь, — презрительно скривился Хамид. — Меньше водки выпьете, свиньи!

— Сам-то кто, баран горный! — вполголоса, так, чтобы не услышал садящийся обратно в машину кавказец, ворчала Вера. — За рубль удавится, урод! Понаехали тут с гор, житья от них русскому человеку нет...

— Пиво-то будем брать или как? — отвлек ее от бурчания старик.

— А денег хватит?

— Если правильно поделить, — хитро прищурился тот, — обязательно хватит!

— Тогда конечно, тогда обязательно, — засуетилась женщина. — Пиво без водки — деньги на ветер!

Софья Павловна, несмотря на немолодой возраст, водила машину весьма прилично, по-спортивно агрессивно и напористо. Впрочем, только такой стиль вождения и позволял относительно быстро перемещаться по вечно забитым потоком автомобилей центральным ростовским улицам. Привычно втиснувшись в левый ряд и притопив педаль газа, адвокат расслабленно откинулась на сиденье, исподтишка наблюдая за своим подзащитным. Моргенштейн, мечтательно улыбаясь, следил за летящими по сторонам тенистыми бульварами, заполненными ярко одетыми пешеходами, наслаждался картинами долгожданной свободы. Не было в его облике и следа раскаяния или подавленности. Обычный человек с абсолютно чистой, ничем не отягощенной совестью. Это всегда поражало Софью Павловну. Надо же, пусть не своими руками, а все же лишил жизни шестерых ни в чем не повинных людей — и ничего! Не страдает бессонницей, судя по здоровому свежему виду, не вымаливает у бога и людей прощения, никаких моральных страданий не испытывает... Конечно, формально Моргенштейн, действовавший по приказу своего начальства, может быть и невиновен. Да что там говорить? Безусловно неви-

новен. Софья Павловна искренне так считала, потому что за долгую адвокатскую практику убедилась: успешно защищать в суде интересы человека, которого сам считаешь виновным, невозможно. Поэтому честнее будет сразу отказаться, не тратить зря свое время и деньги клиента. Но все же шесть человек, лишенных жизни, — это не шутки. Не вяжется это как-то с непоколебимым спокойствием подзащитного, не вяжется... Или он такой толстокожий, что вообще не умеет чувствовать чужую боль и сопереживать ей? Тоже нет. Вон как задергался, когда узнал о самоубийстве этого Снегирева... Станный тип, непонятный...

— Радует свобода, Эдуард Вольфович?

— Радует не то слово! Скорее, опьяняет! Хорошо-то как! Небо, воздух, люди ходят! Девушки! Софья Павловна, честное слово, даже забыл уже, как они выглядят!

— Ну, вспоминайте, вспоминайте... В ваши годы пора бы семью иметь...

— Да какая семья! — отмахнулся Моргенштейн. — Наши жены — пушки заряжены! С такой службой какая жена выдержит? А уж теперь за зэка точно никто замуж не пойдет!

— Все шутите, веселитесь, — с неожиданно проравшимся раздражением процедила, сжав губы, адвокат. — Неужели никакое чувство вины вас не мучает? Не по закону, а чисто по-человечески хочу спросить...

— А что должно мучить? — враз потускнел, ощетинаясь иголками недоверия, Моргенштейн. — Я себя виновным ни в чем не считаю. Я солдат и лишь выполнял приказы.

— Да верю я вам, верю, — мягко, успокаивающе произнесла Софья Павловна. — Я тоже согласна, что вашей вины в происшедшем немного. Просто ведете

вы себя так, будто ничего не случилось, а ведь люди погибли...

— А вам хотелось бы, чтобы я волосы на себе рвал и головой об стенку бился? Так не с чего мне. Вы с Погодиным при случае поговорите, он хоть и простой необразованный мужик, но суть вещей порой получше многих профессоров понимает. Он вам просто скажет: не на мне грех, а на том, кто приказ отдал.

— Но приказ ведь был преступный! Ваш начальник просто хотел таким образом скрыть свои личные просчеты и ошибки!

— Тогда мы этого знать не могли, — пожал плечами Моргенштейн. — Случись сейчас такое, может быть, и усомнились бы, а тогда верили... Командиру как не верить?

— Может, все проще? Может быть, просто сыграла свою роль озлобленность против чеченцев?

— Да бросьте, я к ним совершенно нейтрально отношусь! Не надо мне национализм шить! Лично мне они ничего плохого не сделали, не успели просто, но факт есть факт, лично я от них никакого вреда не видел. Работа такая, вот и все. Были бы там на месте чеченцев эскимосы, или эфиопы там, я не знаю... Расстреляли бы и тех точно так же...

— А поволжских немцев? — улыбнулась адвокат.

— Что немцев? — не понял сразу Моргенштейн.

— Поволжских немцев, спрашиваю, тоже бы расстреляли?

— И немцев тоже! Издеваетесь? Да поймите вы наконец. Не маньяк я, не убийца-садист. Был приказ, я его выполнил, не было бы приказа, я бы их пальцем не тронул. Я нормальный, адекватный человек. Действительно, там всякие попадаются... Есть и те, у кого крыша конкретно течет со всех щелей... Взять хоть командира 512-й группы. Был такой капитан Кукарин-